

БУДНИ

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблчанского.](#)

Казалось, что вечно будут стоять по горизонтам эти блед-но-синеющие тучки, под которыми серели соломенные крыши, зеленели лозины и пестрели разноцветные клетки окрестных полей. Июньский день без солнца был особенно долог.

Попов сын, у которого гостил семинарист Случевский, возил с попом навоз. Ворота, возле длинной белой хаты, бы-ли открыты настежь. Две испачканных коричневой жижей телеги, две сытых лошади стояли среди взрытого двора на варке. Попов сын ворочал за троих: глубоко поддевал вила-ми горячие пласты и, подставив под вилы левое колено, вздирал их с сочным треском. Поп, черный, высокий чело-век, в одной рубаше, в розовых подштанниках и мужицких сапогах с опустившимися голенищами, не отставал: бодро тряс по плечам синими волосами, запуская в навоз вилы, и крепко шлепал по возу дымящимися ломтями, переверты-вая их. Выходили из ворот и отец и сын с потными лицами, но возбужденные, довольные предстоящим в пути на поле долгим отдыхом.

- Господин Шаляпин, присоединяйтесь-ка к нам! - ве-село крикнул поп семинаристу, идя за колесами, держа в руках веревочные вожжи и развевая на ходу легкие полы незастегнутого подрясника.

Семинарист, сидевший на крыльце, почувствовал в этой шутке фальшивую, корыстную ноту, однако не сдался.

- Да вот та-то и беда, что мечтаешь стать Шаляпиным, - отозвался он. - Запотеешь, охватит ветром - и готов. С го-лосом, отец Петр, нельзя шутить. А то бы я с величайшим удовольствием.

Семинарист, темноглазый юноша с широким, бледным и важным лицом, смотрел на удаляющиеся телеги, на серо-си-ренивую дорогу и на потные, ржавые клоки, раскиданные по ней. Прошел мимо дьячок, приостановился, пожаловался на свою судьбу и опять рассказал о своем покойном сыне. Ог-ромные руки его, разбитые старостью и пьянством, лежали на костыле и все время ходили, шатали костыль. Огромные дегтярные сапоги глядели из-под коричневого подрясника. Серебряная медаль на красной ленточке украшала грудь. Лицо и крупный нос были розовы, мясисты, в рытвинах. Выпученные гноящиеся глаза, как всегда, плакали; темно-рыжие волосы, заплетенные в косу, жестко вились, как у старух-пьяниц. А говорил дьячок однотонно, с трудом выби-вая каждый слог: каждый слог его дрожал, прыгал.

- Отцу Петру счастье! - говорил он. - У него помощ-ник есть. А мой - лежит себе в могилке! Рос - восхищал всех. Бывало, похвалюсь им: "У меня не сын, а гений!" А все говорят: "Если выйдет в вас, Степаныч, лучше всякого гения будет". Вырос, - так, верите ли, хозяйственное его во всем селе не было! Чахотка в последнем градусе, а и умер, не поддался. "Вы должны на днях умереть", - говорит фельд-шер. - "Нет, говорит, не могу я, не свозивши рожь, уме-реть". Скосили мы, связали, сидит зарей на крыльце, смотрит на облака, а я ему и говорю: "Что это ты сидишь, смот-ришь?" А он и говорит: "Давайте, папаш, покуда погода, на двух подводах возить". - "Да бог с тобой, куда тебе возить! Я мужика хотел нанять". - "Не надо, не надо, сами упра-вимся". - "Как же, говорю, управимся: ее, ржи одной, трид-цать четыре копны". А он все свое... Так, верите ли, по две-надцать раз в день на поле летал! И отдыхать не отдыхал, - сядет в холодок, выпьет кваску и опять в телегу. Меня, и то уходил. Чуть свет, еще петухи не крикнут, а он уж подыма-ет: "Вставайте, вставайте скорей, тучки заходят..." В три дня все кончили - и свезли, и обмолотили, и солому прибрали... Гонит меня за веялкой, взял я веялку у Данилкиных, обвея-ли, подмели ток... Как последнее зерно в амбар - входит в избу и говорит: "Ну, вот теперь дело другое. Где, папаш, свечи? Жажигайте свечи". Зажгли свечи у образов, он лег на диван - и каюк!

"Недурно", - иронически думал семинарист, слушая. По уходе дьячка он взял тросточку, надел новенькую се-рую шляпу, накинул на плечи серебристый дождевик и по-брел по деревне. Выйдя на выгон, он посмотрел на церковь, бледно белевшую на туче, посмотрел на раскрытые окна ка-зенной винной лавки; хотел было зайти поболтать к сидель-цу, но раздумал и пошел по направлению к погосту. Сиделец был отравлен страстью к чтению. С утра до вечера лежал он на своей высокой двуспальной кровати, опершись на локти, и страница за страницей пожирал "Вокруг света". "Сейчас, сейчас, - торопливо бормотал он в ответ на приветствие. - Дайте только до точки дочитаться..." А беседа с гостем, не слушал его, невпопад смеялся, ждал, когда гость уйдет. Поминутно отрываемый от книги то женой, то мужиками, он кидал на них растерянные, шальные взгляды. "Корове пора месить!" - злобно